

ЭДВАРД МУНК – ХУДОЖНИК, ЧЕЙ «КРИК» УСЛЫШАЛ ВЕСЬ МИР

Норвегия и вместе с ней все ценители искусства отмечают в этом году 150-летие Эдварда Мунка – художника, подарившего миру одну из самых знаменитых картин в истории человечества. Его «Крик» – узнаваемый и широко растиражированный образ, а с мая этого года – ещё и самое дорогое произведение искусства, когда-либо проданное на аукционных торгах. 120 миллионов долларов заплачены за картину американским финансистом Леоном Блэком.

Для Норвегии, страны, не избалованной фигурами мирового масштаба, Мунк – предмет особой гордости. С тем же почтением здесь относятся разве что к драматургу Генрику Ибсену. С Мунком они были знакомы, хотя и не были дружны (Ибсен был на тридцать с лишним лет старше). К тому же Мунк писал, что видит себя в драматических героях соотечественника, а его декорации к «Привидениям» в постановке немецкого режиссера Макса Рейнхардта в своё время наделали немало шуму.

В центре юбилейных торжеств – открывшаяся еще в июне большая выставка, состоящая из более чем 250 работ и последовательно раскрывающая все периоды, жанры и излюбленные темы художника. Наследие Мунка, завещанное им

муниципалитету Осло, хранится в двух собраниях – Музее Мунка и Национальном музее искусств, архитектуры и дизайна. Доверить уникальную выставку кому-то одному не смогли, пришлось поделить ее на две части – ранний период, работы с 1880-го по 1903 год, включая реконструкцию «Фриза жизни» в том составе, который сам Мунк выбрал для выставки Сецессиона в 1902 году в Берлине, покажут в Национальной галерее.

Вторая часть – работы с 1904-го по 1944 год – будет выставлена в Музее Мунка.

Но это хоть и главное, но далеко не единственное событие. 12 декабря, с началом официального Года Мунка, в тур по Норвегии отправился «Автопортрет с сигаретой», купленный Национальной галереей у самого художника ещё при его жизни. Проехав через семь городов, он вернется в столицу как раз к юбилейной выставке. В Музее Мунка уже сейчас проходит масштабная выставка The Modern Eye («Современный взгляд»), показанная перед этим в Париже, Франкфурте и Лондоне. Издан альбом детских рисунков художника. Впервые откроется для посещения его мастерская в Хвитстене. Своего Мунка выставят все, у кого он есть: и галерея Thiel в Стокгольме, и Кунстхаус в Цюрихе, и Музей Ибсена в Осло, и частные коллекционеры. Исполнение посвященных Мунку музыкальных произведений и перформансов пройдет по всему миру от Осло до Вашингтона. Словом, из юбилея сделали праздник такой насыщенности и такого масштаба, какие не снились многим заслуженным мастерам.

Внимание к Мунку приковано и еще одним недавним событием, правда, криминального плана. В начале ноября 2013 года в обшарпанной мюнхенской квартире были найдены полторы тысячи картин великих художников, считавшихся безвозвратно утерянными, общей стоимостью более миллиарда долларов. Среди них полотна великих – Пабло Пикассо и Анри Матисса, Пауля Клее и Эдварда Мунка... Большинство работ были экспропрированы в годы нацистской диктатуры у еврейских собственников.

ПУТЬ К МОЛЬБЕРТУ

Все дети военного врача Кристиана Мунка росли с мыслью, что им не суждена долгая жизнь. В семье умирали рано. Настоящим ее кошмаром был туберкулез – болезнь бедных людей. Глава семьи был человеком уважаемым, но зарабатывал мало, а климат и дешевое жилье делали свое дело. На высокогорные курорты с солнцем и альпийским молоком денег не было. Жена Кристиана Мунка умерла от чахотки, когда ей было 33, в 1868-м. Военврач остался с пятью детьми: Лаурой, Эдвардом, Софией, Андреасом и новорожденной Ингер. Карен, незамужняя сестра покой-

ной матери, переехала к Мункам: кто-то должен был вести хозяйство. Пятеро детей росли в бедном и набожном доме – все регулярно вели дневники, наполненные той самой набожностью и бедностью. А больше всего: наполненные страхом неумолимой смерти.

Они были любящими братьями и сестрами, но каждый с детства был приучен замечать в окружающих симптомы возможных болезней: приступы кашля, бледность, неестественный румянец, внезапную вялость или нервозность. Однажды у Эдварда

Наследие Мунка, завещанное им муниципалитету Осло, хранится в Музее Мунка и Национальном музее искусств, архитектуры и дизайна.

пошла горлом кровь – этот приступ он до конца жизни мог описать в мельчайших подробностях.

Заболела туберкулезом и старшая сестра, София. Она прожила 15 лет, до 1877-го. После смерти Софии что-то как будто ускорило. Мунк был уверен, что окажется следующим – и, судя по дневниковым записям, жил в постоянном мучительном страхе, в огромной нервной спешке. Успеть хоть что-нибудь...

Уроки композиции, курсы рисования и черчения в Политехнической школе, частные занятия с классиком норвежской натуралистической живописи Кристианом Крохгом – всё это продолжалось до 1885 года. Если судить по ранним этюдам, Мунк готовился стать выдающимся норвежским художником-реалистом. Но в 1885-м его занесло в Париж, там он начал делать наброски к картине, которая оказалась одной из самых главных в его жизни. Кто бы сомневался! Картина называлась «Больной ребенок», и это было воспоминание о последних минутах жизни Софии. После того как картина была готова, стало понятно, что на прибавление в круге художников-реалистов рассчитывать не приходится.

С «Больного ребенка» начинается длинная серия работ. Самые громкие, оказавшие наиболее сильное воздействие на современников, приходятся на 90-е годы. Эта картина открыла целую сюиту изображений комнат с больными и умирающими. В этих картинах нет ни мрачности, ни болезненности, они, овеянные поэзией и грустью, светлы и печальны. Тихая печаль сквозит в тонком

полупрозрачном профиле откинувшейся на подушку девочки, а также поникшей у ее кресла матери. Кульминацией всех этих циклов остается знаменитый «Крик», многократно повторенный самим художником, объект торговли, исследования – и краж.

На что реагировала публика? Картины Мунка показывали её привычный мир одновременно и узнаваемым, и запредельным. В нём не было устойчивых пропорций, объемов, цветов и линий, в нём фигуры не отделялись от воздуха и света.

В этом мире стулья были такими же живыми существами, как люди, стены дышали, окна смотрели. Всё это было пропитано каким-то неуловимым страхом смотрящего – как будто автор рисовал, испытывая притяжение, но и ужас. Даже людей на картинах Мунка сложно назвать людьми – это облики, обличья, силуэты. Человеческое в них – переходящая личина, которая то и дело выворачивается наружу иной сущностью: Чужой против Хищника.

Глядя с вершин XXI века, легко заметить то, что не было очевидно в конце XIX-го: речь шла не о том, что у художника было тяжелое детство, сложная жизнь и скверные нервы (диагноз маниакально-депрессивный психоз у Мунка имелся вполне официально). Речь шла о том, что своими скверными нервами художник уловил нечто, что даже ещё не носилось в воздухе. Наступление катастрофы под названием XX век.

Пройдет 20 лет после «Крика», написанного в 1893 году, и Европа перестанет быть похожа на саму себя, линии, пропорции, краски начнут сползать, за привычной жизнью и человеческими лицами начнут просвечивать окопы, траншеи, противогазы. Но это время Мунк встретил – после очень бурного, скандального и божественного периода своей жизни в Берлине и Париже – уже в родной Норвегии. В тот момент, когда катастрофы века набирали ход, он стал почти затворником в купленном деревенском имении с собственным куском берега и пляжа, с прекрасно оборудованными ателье, с хорошими денежными заказами.

В этом уединении он пережил Первую мировую войну, время между войнами, превращение

из живого классика в представителя «дегенеративного искусства». Чуть не дожил и до окончания Второй мировой войны.

В 1892 году на выставке в Берлине было показано 55 полотен Эдварда Мунка, и среди них – первые картины его большого цикла «Фриз жизни». Экспозиция вызвала большие споры. Не успела выставка открыться, как некоторые критики тут же потребовали ее закрытия: «Из уважения к искусству и честному имени художника». Первым потребовал закрытия выставки живописец кайзеровского режима

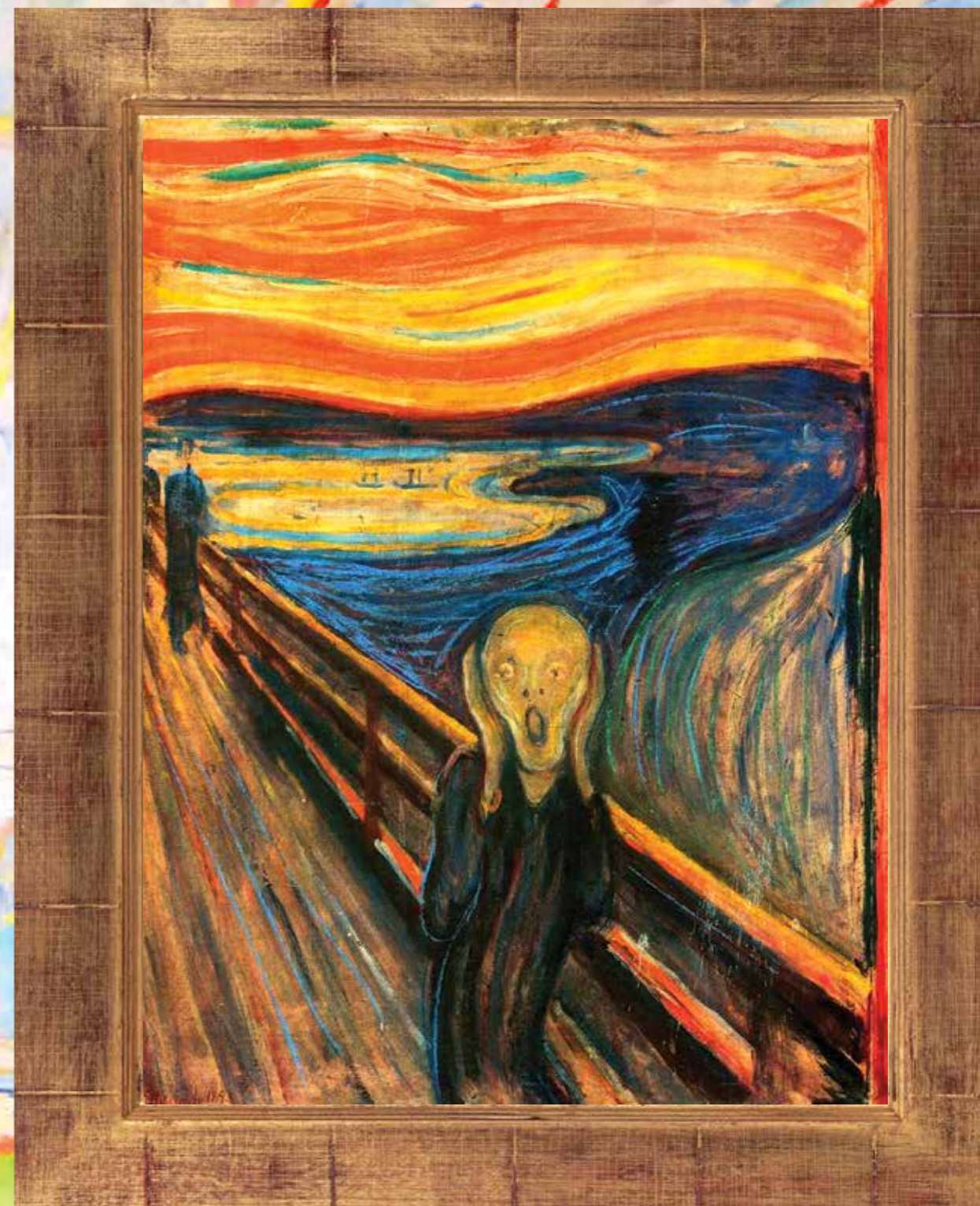
Антон фон Вернер, против чего решительного выступили Макс Либерман и некоторые его коллеги. Но вскоре число друзей стало быстро уве-

личиваться, особенно хорошо писали о Мунке молодые поэты. Разыгравшаяся вокруг его имени буря подняла Мунка на ступеньку выше по лестнице славы, а последовавшее вскоре закрытие выставки только способствовало его широкой известности за рубежом.

«ФРИЗ ЖИЗНИ» КАК СТУПЕНЬКА К ЗНАМЕНИТОМУ «КРИКУ»

Особенно ярко образная система символизма нашла свое выражение в цикле произведений Мунка под общим названием «Фриз жизни». Сам Эдвард Мунк говорил, что это поэма о жизни, любви и смерти, над которой он работал в течение тридцати лет. Он задумал её как «цикл декоративной живописи, как полотно ансамбля жизни». В этих картинах за извилистой линией берега – всегда волнующее море, и под кронами деревьев разворачивается своя жизнь с её причудами, все её вариации, её радости и печали». «Фриз жизни» включает такие картины, как «Поцелуй», «Барка юности», «Вампир», «Мадонна» и другие. Тема самой большой картины этого цикла – мужчина и женщина в лесу, – может быть, несколько выпадает из общего тона других полотен, но она – необходимое звено в цепи.

На рисунке 1892 года «Отчаяние» Мунк сделал следующую запись: «Я гулял по дороге с двумя товарищами. Солнце садилось. Небо вдруг стало

кроваво-красным, и я почувствовал взрыв меланхолии, грызущей боли под сердцем. Я остановился и прислонился к забору, смертельно усталый. Над синим-черным фьордом и городом лежали кровь и языки пламени. Мои друзья продолжали гулять, а я остался позади, трепеща от страха, и я услышал бесконечный крик, пронзающий природу». Впоследствии эти впечатления стали основой замысла

полотна «Крик», которое Мунк написал в 1893 году, а потом повторил его несколько раз в гравюре.

Одинокая человеческая фигура кажется затерянной в огромном, гнетущем мире. Очертания фьорда лишь намечены извилистыми линиями – пронзительными полосами желтого, красного и синего. Диагональ моста и зигзаги пейзажа придают всей композиции мощнейшую динамику.

Лицо человека представляется безликой, застывшей маской, которая издает вопль. Трагической гримасе лица человека противопоставлены мирные фигуры двух мужчин. Многие увидели в картине Мунка всепоглощающий страх слабого человека, парализованного ландшафтом, линии и краски которого сдвинулись, чтобы удушить его. Действительно, картина «Крик» является апогеем психологического обобщения. Живопись Мунка в этой картине достигла исключительной напряженности, а само полотно уподобляется пластической метафоре человеческого отчаяния и одиночества.

Известный польский критик и писатель Станислав Пшибышевский писал об этой картине так: «Крик»! Невозможно даже дать представление об этой картине, – все её неслыханное могущество в колорите. Небо взбесилось от крика бедного сына Евы. Каждое страдание – это бездна затхлой крови, каждый протяженный вой страдания – клубы полос, неровных, грубо перемещенных, словно кипящие атомы рождающихся миров... И небо кричит – вся природа сосредоточилась в страшном урагане крика, а впереди, на помосте, стоит человек и кричит, сжимая обеими руками голову, ибо от таких криков лопаются жилы и седеют волосы».

Эдвард Мунк: «Достоевский был важен для меня сверх всякой меры. Более чем многие остальные, даже вместе взятые. Ибсен и Достоевский: полагаю, они были важнее всех».

РУССКИЙ СЛЕД В ТВОРЧЕСТВЕ МУНКА

Середина 1880-х годов ознаменовалась серьезным поворотом в его жизни и в художественных воззрениях. В это время Мунк начал общаться с компанией радикальных анархистов из Христиании, которые были в чем-то похожи на нигилистов Санкт-Петербурга.

Русская литература в то время завоевала огромный авторитет, и потому не удивительно, что в 1883 году на норвежский язык перевели роман Федора Достоевского «Преступление и наказание». Предпринятое в книге исследование глубин человеческой психологии сразу привлекло внимание Мунка: «Некоторые страницы представляют собой самостоятельные произведения

искусства», – напишет он в письме к другу. Позже, оглядываясь на 1880-е годы, он задаст вопрос: «Когда кто-нибудь сможет описать те времена? Нужен Достоевский или хотя бы смесь Крога (норвежский художник, современник Мунка. – *Ред.*), Йегера (норвежский писатель. – *Ред.*) и, возможно, меня самого для того, чтобы столь же убедительно, как это удалось Достоевскому на примере русского сибирского города, описать прозябание в Христиании – не только тогда, но и сейчас».

И еще о Достоевском в одном из писем Мунка: «Достоевский был важен для меня сверх всякой меры. Более чем многие остальные, даже вместе взятые. Ибсен и Достоевский: полагаю, они были важнее всех».

Значимый штрих: в своем прощальном «Автопортрете между часами и кроватью» художник стоит возле больших дедовских напольных часов без стрелок, словно обозначая окончательный отход от всего мирского. Постель символически связана ассоциациями с важнейшими моментами жизненного цикла: рождением, болезнью, любовью и смертью. В комнате за спиной старого художника – его работы, они озаряются золотым светом. Над кроватью висит этюд обнаженной натуры в голубых тонах; та же фигура изображена – дважды – на полпути вверх по склону горы в программной работе «К свету». Эта работа действительно висела над кроватью Мунка, она получила название «Кроткая» по повести Достоевского.

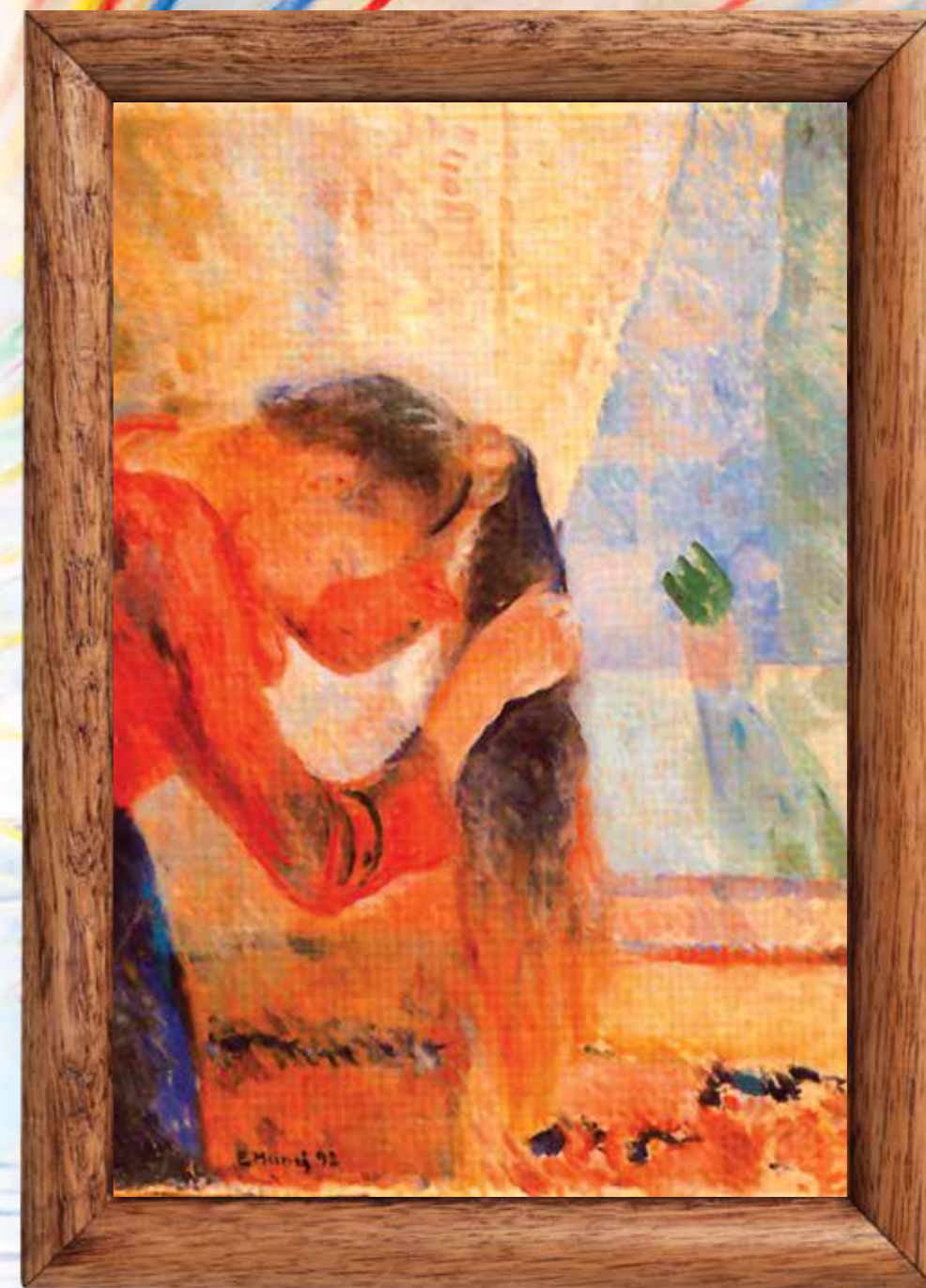
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

С 1909 года и до конца жизни Эдвард Мунк живет в Норвегии. Сначала – в Крагерё, городке на юго-восточном побережье. Там он написал несколько зимних пейзажей и получил возможность заниматься росписью актового зала столичного университета. В Крагерё он создал художественную студию, где несколько лет работал над дизайном этого проекта. После некоторых колебаний проект Мунка был принят и осуществлен в 1916 году. Согласно замыслу автора, роспись университетского актового зала символизирует неисчерпаемые силы жизни. На заднем плане изображен рассвет над фьордом – такой, каким его видел

Мунк у себя, в Крагерё. Палитра ярких цветов подразумевает символ безграничного животворящего света. В актовом зале также находятся два больших холста: «История» и «Альма Матер». На одном из них изображен старик, сидящий под большим дубом, на фоне грубого и некрасивого пейзажа. На второй картине пейзаж, наоборот, элегантен. Здесь нарисована женщина, сидящая на берегу моря и кормящая грудью ребенка, в то время как дети постарше исследуют близлежащие окрестности. Эти картины показывают две противоположности – мужчину и женщину. Тема, которая оставалась одной из главных на протяжении всей жизни Эдварда Мунка.

Из жизни Эдвард Мунк ушел 23 января 1944 года в Осло, его Норвегия была оккупирована фашистской Германией. Художник отверг все попытки привлечь его к сотрудничеству с квислинговцами, он не захотел войти в квислинговский совет по искусству и отказался от официального празднования своего восьмидесятилетия. До освобождения родины Эдвард Мунк не дождался.

Самым забавным образом юбилей Эдварда Мунка решил отметить Совет по туризму при по-

сольстве Норвегии в России: он объявил конкурс... на самый впечатляющий крик. Перед участниками конкурса поставлена задача – предоставить жюри запись своего крика. Подавать заявки можно неограниченное количество раз. После завершения конкурса оргкомитет намерен смонтировать видеоролик, в который включат записи лучших криков, присланных участниками.

Андрей Караваяев,
специально для «Янтарного моста»